

Список литературы

1. Дмитриева Н. В. Современное состояние проблемы взаимоотношения природы – человека – общества : социально-философский анализ // Вестн. Саратов. гос. техн. ун-та. 2012. № 1. С. 170–175.
2. Колосова О. Ю. Экологическая картина мира в культуре современного информационного общества : дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-н/Д, 2009. 373 с.
3. Колисник И. И. Биогеофилософская концепция простиранья жизни : дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2007. 281 с.
4. Степин В. С. Теоретическое знание. М., 2000. 743 с.
5. Афанасьева В. В., Анисимов Н. С. Постнеклассическая онтология // Вопр. философии. 2015. № 8. С. 28–42.
6. Лепольд А. Календарь песчаного графства. М., 1980. 216 с.

Man as a Subject of Environmental Reality

N. V. Dmitrieva

Saratov Regional Institute of Education Development
1, Bolshaya Gornaya str., Saratov, 410031, Russia
E-mail: ndmitr70@gmail.com

In the paper ontological basis of the system of the relationship between human beings and the nature. The concepts of environmental reality, of «homo environmental» as of its subject, and of environmental consciousness are discussed. It is shown that in classical concepts a human being is treated as a subject which determines environmental reality with his activity and, at the same time, as an object of influence of environmental reality, which gives the reason to speak about «homo environmental» and about the feedback between the «homo environmental» and the environmental reality. Within the frames of postnonclassical ontological paradigm «homo environmental» appears as «postnonclassical subject», incorporated into environmental reality and realizing this incorpora-

tion. Existence of complicated nonlinear bonds in the system «homo environmental within environmental reality» stipulates the presence of unpredictable, chaotic and critical states in it. It is shown that spiritual and creative origin of the human being transform environmental reality and do not permit it to reduce human integrity and his ontological diversity merely to the «homo environmental».

Key words: environmental reality, environmental consciousness, homo environmental, a man as a subject of environmental reality, postnonclassical object.

References

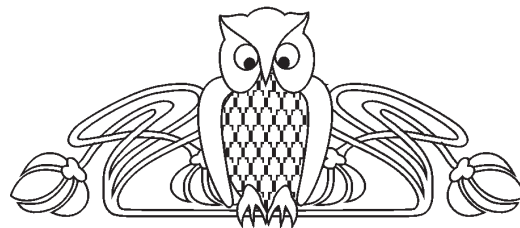
1. Dmitrieva N. V. *Sovremennoe sostoyanie problemy vzaimootnosheniya prirody – cheloveka – obshchestva: sotsialno-filosofskiy analiz* (The modern state of the problem of the human – society relationship: social and philosophical analysis). *Vestn. Sarat. gos. tehn. un-ta* (Bulletin of Saratov State Technical University), 2012, no 1, pp. 170–175.
2. Kolosova O. Yu. *Ekologicheskaya kartina mira v kulture sovremennogo informatcionnogo obshchestva*: dis. ... d-ra filos. nauk (Environmental map of the world in the culture of modern informational society: Ph/D dissertachion philosophy science). Rostov-on-Don, 2009. 373 p.
3. Kolisnik I. I. *Biogeoilosofskaya koncepciya prostiraniya zhizni*: dis. ... d-ra filos. nauk (Bioplogy-philosophical conception of life spreading: Ph/D dissertachion philosophy science). Saratov, 2007. 281 p.
4. Stepin V. S. *Teoreticheskoe znanie* (Theoretical knowledge). Moscow, 2000. 743 p.
5. Afanaseva V. V., Anisimov N. S. *Postneklassicheskaya ontologiya* (Postnonclassic Philosophy). *Voprosy Filosofii* (Voprosy Filosofii), 2015, no. 8, pp. 28–42.
6. Lepold A. *A sand country almanac*. New York, 1949. 221p. (Russ. ed.: Lepold A. *Kalendar peschanogo grafstva*. Moscow, 1980. 216 p.).

УДК 101.1

КРИТИКА «ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО РАЗУМА» С ПОЗИЦИЙ ФИЛОСОФИИ XX-XXI ВВ.

Дуплинская Юлия Михайловна – доктор философских наук, доцент, и.о. профессора кафедры философии, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. E-mail: duplinskay@mail.ru

В статье доказывается, что философия XX–XXI вв. совершает преодоление диалектики, причем отнюдь не в духе диалектического «снятия». Диалектические противоположности заменяются «копошашимися» различиями, между которыми невозможно единство по той причине, что между ними нет взаимного исключения. Как в гносеологии, так и в социальной практике на смену диалектической «борьбе противоположностей» приходят стратегии ускользания и косвенные стратегии, например, деконструкция. На смену диалектическому «единству противоположностей» приходят стратегии коммуникации. Преодоление

диалектики анализируется в контексте двух фундаментальных «поворотов», определяющих лик философии XX–XXI вв., это – поворот к сознанию (феноменологическое направление) и поворот к языку (герменевтика, структурализм и постструктурализм).

Ключевые слова: диалектика, противоположности, единство противоположностей, репрезентативный и субрепрезентативный, косвенные стратегии.

DOI: 10.18500/1819-7671-2016-16-2-142-147

Необходимость вновь поставить вопрос о диалектике обусловлена существующей традицией структурирования учебных курсов по философии, в которых выделяются разделы «История философии» и «Основы философии». Причем такие направления философии XX–XXI вв., как феноменология, герменевтика, постструктурализм и т.д. обычно попадают в раздел «История философии». А вот тема «Диалектика» оказывается включенной в раздел «Основы философии». Правомерен вопрос: может ли сегодня диалектика претендовать на статус «основ философии», иными словами, на статус некоего инварианта, с позиций которого может оцениваться философия «всех времен и народов»? Или ведущие направления философии XX–XXI вв. преодолевают диалектику, причем отнюдь не по логике «диалектического отрицания» и «отрицания отрицания»? Отвергают конструктивную роль «диалектических противоположностей», причем не по логике следующего за «тезисом» «антитезиса», из чего, следовательно, не предполагается возможность «синтеза»? И, таким образом, философия «диалектического развития» низводится лишь до одного из исторических этапов развития философии? А сама диалектическая проблематика, отнюдь не в смысле диалектического «снятия», попросту снимается с повестки дня? А это значит, что диалектика может претендовать на место лишь в разделе «История философии»?

Рассмотрим «критику диалектического разума» в контексте двух фундаментальных «поворотов», определяющих лик философии XX–XXI вв. Это: во-первых, *поворот к сознанию*, связанный с феноменологическим направлением, и, во-вторых, *поворот к языку*, связанный с такими направлениями, как лингвистическая философия, герменевтика, структурализм и постструктурализм.

1. Рассмотрим *адиалектические* тенденции в контексте *поворота к сознанию* в философии XX–XXI вв. (термин «*антидиалектические*» был бы некорректным, учитывая диалектическую нагруженность приставки «анти»). Поворот к сознанию («трансцендентальный поворот»), разумеется, не является чертой исключительно философии XX–XXI вв., а сущностной характеристикой всякого философствования вообще. Тем не менее в рамках феноменологического направления трансцендентальная установка имеет свою специфику. Позволим себе, играя на созвучиях, сопоставить две «феноменологии». Одна из «феноменологий» была создана гением XIX в., другая – гением XX в. Для Г. Гегеля «Феноменология духа» была отправным этапом философствования, от неё он перешел к «Науке логики», в которой и была артикули-

рована категориальная структура диалектики. Это – движение от феноменов к концептуальной сети. Мысль творца другой феноменологии, Э. Гуссерля, напротив, может быть представлена как попытка раскрутить это процесс вспять, «назад»: от сетки категориальных построений к феноменам – непосредственным данностям сознания. Пафос феноменологического направления можно выразить в таких (парадоксальных, с точки зрения классической философии) призывах, как «учиться видеть», «назад к восприятию». По ассоциации вспомним парадоксальное высказывание О. Уайльда о красоте, которая есть величайшее чудо, а потому только пустые люди судят не по наружности, не невидимое, а видимое – вот подлинная загадка мира! В феноменологическом направлении философствование, становясь достижением «само-показывания», прекращает ткать ту вязь отношений, которая является ареной диалектического мышления. М. Хайдеггер считал «уклоняющимся от самих вещей» тот подход, «когда пытаются совместить самопротиворечивое и тем самым распадающееся внутри всеобъемлющего единства», что обычно «называется диалектикой». [1, с. 392]. «Мы научились тому, что мышление является отношением <...> Вот так, кажется, продвигается мышление – от отношения к отношению, от суждения к суждению. Но вот мы узнаем, что мышление представляет собой показывание и достижение само-показывания» [2, с.73].

Отметим еще одну особенность «поворота к сознанию» в философии XX в., которая отличает его от классических форм трансцендентализма. В философском лексиконе XX в. проводятся демаркации между *тетическим* и *нететическим* сознанием, между *активным* и *пассивным* синтезом, между *рефлексивным* и *до-рефлексивным cogito*, между *репрезентативным* и *субрепрезентативным* уровнями сознания. Классическая философия в каждой из перечисленных пар работала только на уровне первого: тетического сознания, активного синтеза, рефлексивного cogito, репрезентативного уровня сознания. Здесь, и только здесь, как мы покажем далее, может эффективно работать диалектика. А вот неклассическая философия в каждой из перечисленных пар исходным считает второе.

Для наших целей достаточно пояснить различие между *репрезентативным* и *субрепрезентативным* уровнями сознания. Приставка «ре» указывает на вторичность: на принадлежность репрезентативного слоя не к первичным, а лишь к «вторичным» данностям сознания. В репрезентативной сфере данности сознания предстают как бы спроецированными *на экран* и противостоят

сознанию в качестве предметов (здесь сознание и становится рефлексивным, тетиическим сознанием). Сфера репрезентативного – это то, что М. Хайдеггер назвал «картиной мира»: это не бытие, в которое мы погружены, а лишь «плоскостная проекция бытия»; мир, спроецированный на экран. «...Repraesentare – ставить нечто перед собой и держать в представлении. В представлении мы ставим нечто перед собой, чтобы, будучи так поставлено (установлено), оно стояло перед нами как предмет» [3, с. 366]. Диалектика способна упорядочивать лишь вторичную ясность репрезентативного, она работает только с плоскостной проекцией бытия. Феноменологический же анализ обращается к сфере субрепрезентативного, до того, как данности сознания оказываются спроецированными на экран представления.

Яснее всего этот тезис можно обосновать, остановившись на идеях философа, которого так и хочется назвать великим антидиалектиком XX века. Правда, опять же с поправкой, что приставка «анти» именно по этой причине здесь и неприменима (но благозвучным ли будет термин «адиалектик?»). Это Ж. Делез – мыслитель, наиболее отчетливо и аргументированно артикулировавший свое неприятие диалектики.

Как соотносится понятие «различие» с таким главным инструментарием диалектики, как понятия «противоположность» и «противоречие»? Сравним позицию Ж. Делеза с позицией Г. Гегеля. По Гегелю, противоположность является истиной различия; истинное различие – это различие, доведенное до противоположности и противоречия. А для этого различие должно дорасти до взаимоисключающего, или *взаимоотрицающего различия* – так можно сформулировать кредо диалектики в понимании различия. Отрицание и взаимоотрицание, в котором же усматривается и источник единства различного, – это основа диалектического мышления. *Диалектика мыслит различие через отрицание* – вот линия критики диалектики, идущая от А. Бергсона и Ф. Ницше к Ж. Делезу. Задумаемся: а можно ли мыслить различие как-то иначе, чем через отрицание и взаимное отрицание? Продолжение различий до «взаимоисключающих», «взаимоотрицающих», или диалектических различий – это своего рода наезженная колея диалектической интуиции, в которую естественным образом попадает разум. И тем не менее эта наезженная колея может оказаться иллюзией. Ж. Делез предлагает иной подход к пониманию различия, который взрывает «естественный свет диалектического разума» и выглядит поистине революционным.

Ж. Делез предлагает *мыслить различие позитивно*, без «не», не привязывая различия к от-

рицанию и тем более не доводя до противоположности. Схватывание различий через отрицание является слишком грубым, слишком «топорным» постижением различий. Недостаток диалектической логики усматривается в том, что такое мышление формирует очень крупные ячейки категориальной сети, в которую нельзя поймать ничего, и сквозь эту «сеть» от нас ускользнет «даже самая большая рыба». Диалектика сравнивается также с «мешковатой одеждой», которая всем впору, но под ней невозможно угадать то, на что она надета: здесь невозможно схватить нюансы, оттенки, градации. Взаимоотрицающие диалектические различия, по Делезу, есть выражение *«онтологического дефицита»*. Между тем истинные онтологические различия обусловлены не отрицаниями, а наоборот, избыточностью бытия: *истинное различие насковозь позитивно*. А вот взаимоотрицающие различия, как и диалектические противоположности, это своего рода оптический обман, возникающий лишь на *уровне репрезентативного слоя сознания*, в котором онтологические реалии как бы спроецированы на плоскость экрана. В данном случае – «экрана» сознания. Ж. Делез поясняет это аналогией с *зеркалом* – классической метафорой репрезентативного сознания. Когда мы видим мир, отраженный в зеркале, то на поверхности зеркала различные предметы закрывают, «взаимоисключают» друг друга. Поверхность зеркала кажется «поделенной» между предметами. Здесь, и только здесь, различия могут «поделиться» между собой единое пространство, на которое они спроецированы, и стать, таким образом, взаимоисключающими – диалектическими различиями. На самом же деле отраженные в зеркале предметы находятся на разной глубине, а поэтому они не пересекаются и не перекрывают друг друга. «Исключают» друг друга они только на поверхности зеркала. Вне экрана репрезентации бытие не является тем, что можно «поделить»: оно абсолютно избыточно. Различия существуют там «на разной глубине», никогда не являясь взаимоотрицающими различиями, или противоположностями. *Онтология лишена «не»*. «Негация» – это лишь черта той плоскостной проекции бытия, которая возникает в репрезентативном слое сознания.

Итак, главный инструментарий диалектики – «отрицание», «противоположность» появляется только там, где мы проецируем бытие на плоскость. «Оппозиции – всегда плоские, они передают искаженный эффект изначальной глубины лишь в одной плоскости» [4, с. 287]. В самой же онтологии, вне экрана репрезентации, различия существуют не как взаимоотрицающие, а как *«копашащиеся различия»*. В сфере диалек-

тического мышления мы дышим «разреженным воздухом». Эту сферу можно также сравнить с прореженными дорожками окультуренного леса, в котором удобно гулять, но где не осталось первозданной природы. Это – мир, «прореженный» структурами отрицания, благодаря которым становится возможным мыслить этот мир ясно и отчетливо. А вот онтология «копошащихся различий» Ж. Делеза – это предельная густота «кишащего бытия». В этой кишащей толще бытие абсолютно избыточно, здесь нет отрицаний и взаимоотрицаний.

«Взаимоисключающие различия», или противоположности, всегда имеют уже-содержащуюся в них импликацию единства. А вот между «копошащимися различиями» нет взаимоотрицания, поэтому между ними нет и «единства» в том смысле, в котором его понимает диалектика. Здесь устанавливается единство другого рода. Любые диалектические отношения – единства и борьбы, тождества и различия и т.д. имеют в качестве условия своей возможности некое более фундаментальное единство, не являющееся диалектическим «единством противоположностей». Этот род единства трансцендентальный субъект застаёт уже готовым, а потому обычно не замечает. Это – непрерывность внутреннего созерцания, которое и формирует «экран» репрезентации. Даже пресловутые диалектические «скачки», «разрывы постепенности» и т.д. могут констатироваться опять же на фоне этого экрана. Если в рамках диалектики велась речь о «скачках» и о «разрывах непрерывности», то, подчеркнем, велась в рамках логически гомогенного, непрерывного смыслового и мыслительного поля. Даже если диалектика пыталась схватить «дискретность» бытия, то как поле созерцания, так и язык, на котором она говорила о дискретности, сохраняли смысловую гомогенность. А вот особенностью смыслового поля философии XX–XXI вв. является разрыв гомогенности: как сознания, так и дискурса – того языка, на котором говорится о бытии. В классической философии непрерывность поля созерцания трансцендентального субъекта некритически отождествлялась с онтологией как таковой, а потому диалектическим отношениям наивным образом приписывался онтологический статус. Однако, как вскрывает филигранный анализ Ж. Делеза, непрерывность экрана репрезентации является не первозданной, а лишь вторичной – синтезированной непрерывностью. Синтез непрерывности, предшествующий формированию репрезентативного поля, назван Ж. Делезом пассивным синтезом. Он совершается в субрепрезентативной сфере.

Субрепрезентативная онтология лишена гомогенности. Это – «мерцающая» онтология

элементарных событий. Любого рода гомогенность здесь не дана, а «задана». Здесь *единство* появляется как «поверхностный эффект», *эпифеномен повторения* – повторения дискретных событий. Гомогенное поле синтезируется из повторения элементарных событий за счет скорости повторений. Мерцание событий сплавляется в единый континуум репрезентации посредством набора пороговых скоростей (анalogией может быть экран компьютера. Непрерывность экрана – лишь эпифеномен повторяющихся мерцаний, дискретности которых мы не замечаем из-за высокой скорости повторения. Аналогией может быть также иллюзия гладкой структуры пространства макрособытий, под которой скрывается «кипящий хаос» квантовых флуктуаций на ультрамикроскопическом уровне). Аналогично непрерывность поля созерцания трансцендентального субъекта связана с пороговой скоростью чередования элементарных когнитивных актов, за пределами которой единство внутреннего созерцания рассыпается. Моделью такой онтологии может быть экспериментальный театр Кармело Бено – «нерепрезентативный театр» [5]. Совершая своеобразный эксперимент с классическими пьесами, К. Бено элиминирует из них то, что является стержнем классического театра – драматический конфликт. Иными словами, то, что могло бы быть ареной для диалектического мышления. Вместо этого в центре внимания оказывается конституирование суб-текстуры образов, которая задается такой характеристикой, как оператор скорости. Оператор скорости сплавляет в единый континуум все возможные вариации каждой фразы и жеста персонажей.

Логично допустить множественность пассивных синтезов: множественность непрерывностей, дискретное пространство, сменившее классическую протяженность. На смену классическому трансцендентальному субъекту приходит «новая монадология». Универсум заменяется *мультиверсом*, состоящим из множества замкнутых в себе монад. Диалектические отношения могут иметь место только в поле созерцания отдельной монады, но не между монадами: ведь между монадами нет единого пространства. Уяснить разницу между универсумом диалектических «взаимоисключающих различий» и мультиверсом «копошащихся различий» поможет геометрический образ. Отношения взаимного исключения и противоположности немислимы без допущения *единого гомогенного пространства*, в котором различия могли бы совмещаться, «делить» пространство между собой, чтобы тем самым «исключать» друг друга. А вот «копошащимся» различиям будет соответствовать образ

пенообразного пространства, состоящего из множества замкнутых в себе миров. Образ такого пространства приходит на смену пространству с гладкой топологией в современных естественно-научных концепциях реальности.

Не только онтологические концепции, но и политические реалии сегодня имеют дело не с диалектическими, а с «*копошащимися*» различиями. Они не могут быть приведены к единству по той причине, что между ними нет взаимоисключения. По словам Ж.-Л. Нанси, они, скорее, могут быть поняты как «некий перечень», «нескончаемый список» для «бухгалтерии, не имеющей никакого итога» [6, с. 9]. Элементы такого мультиверса могут лишь коммуницировать. Классические концепции синтеза заменяются *концепциями коммуникации*. Она, в отличие от диалектического «единства противоположностей», не располагает элементы в пространстве единого универсума, а оставляет за ними качество автономных, неслиянных монад. От классических проектов единства остается лишь требование общепонятного языка, который обеспечивал бы возможность диалога. Это подводит нас к еще одному аспекту «адиалектичности» философских концепций XX–XXI вв.

2. Теперь рассмотрим *адиалектические* тенденции в контексте *поворота к языку* – «лингвистического поворота», представленного целым спектром направлений философии XX–XXI вв. «*Золотой век*» диалектики был связан с культом «чистого разума», а вот «поворот к языку» в философии XX в. отодвигает тему диалектики на второй план. Структуры диалектики – это структуры «чистой мысли». Между тем философия XX в. в очередной раз переоткрывает, что истина не пришла в мир обнаженной: она явилась в знаках и символах, и мир не получит ее иначе. В связке оппозиций «мышление – язык» («понятие – слово») классическая философия приоритет отдавала понятию, а не слову. В философии XX в. отдается приоритет второму (языку, слову), а не первому (мышлению, понятию). Этот вопрос подробно рассмотрен нами: «Классическая философия пыталась постичь суть языка при помощи понятий-концептов. В философии XX века наблюдаются противоположные тенденции <...> Понятия разъясняются при помощи слов естественного языка, а вот значение слова не может быть до конца раскрыто в понятиях. Слово, а не понятие-концепт теперь считается той предельной инстанцией, в которой заключены основания не только гносеологии и логики, но и самой онтологии» [7].

«Чистая» мысль в философии XX–XXI вв. начинает рассматриваться лишь как эпифеномен символических структур. Диалектическому дви-

жению «чистой» мысли предшествует процесс символизации бытия. А этот процесс совершается иначе: он не может быть понят в диалектических структурах, так как является слишком субтильным для диалектического мышления. По утверждению «великого антидиалектика» XX в., «одетое – это правда обнаженного»: там, где кажется, что мы имеем дело с «чистой» мыслью, вне ее языковых одежд, просто присутствует двойная маскировка. Как ни странно, мысль, «одетая» в языковые оболочки, способна схватить более глубокий пласт онтологии, тот, который фатальным образом ускользает от «чистой» мысли. Герменевтика сделала «открытие», что есть слова, которые функционируют не просто как метки вещей, а «которые сами удостоверяют то, что они сообщают, как будто более близкий подход к тому, что есть, иначе невозможен и замене не подлежит» [8, с. 33].

Тема «мешковатых одежд» и «слишком крупных ячеек категориальной сети» получает дальнейшее развитие в контексте философии языка. Диалектику можно сравнить с «молярным» уровнем дискурса, тогда как эпохе «симулякров третьего порядка» соразмерен лишь «молекулярный» уровень. Ж. Бодрийяр выделяет три периода в развитии знаков: симулякры первого, второго и третьего порядков. На этой шкале расцвет диалектики размещается в эпохе симулякров *второго порядка*, между тем как современная культура уже вступила в эпоху третьего порядка.

Теперь проведем *аналогию между стратегиями познания и стратегиями существования*. Движение «чистой» мысли, являющееся почвой для диалектического разума, всегда имеет в подтексте логику противоречий и противоположностей. Всякая ясно и отчетливо сформулированная мысль – это, по сути дела, замаскированная критика. Полемиические импликации типа «это, а не...» являются конституирующим условием ясного и отчетливого концептуального мышления. Такие импликации всегда содержатся в подтексте, даже при видимой нейтральности текста и отсутствии открытых полемиических интенций. Мыслить ясно и отчетливо – это всегда «мыслить против кого-то». Поэтому ориентацию на «ясное и отчетливое» движение «чистых понятий» можно сопоставить с *борьбой как стратегией существования*: и то, и другое совершается по логике противоположностей. Здесь возможен спектр модификаций: от гегелевского эволюционного «снятия» до марксистского революционного преодоления и, наконец, до экзистенциального надрыва негативной диалектики «бунтующего человека» французского экзистенциализма. Абсурдность бунта коррелирует с антиномией и парадоксом в логике.

Но философия языка в XX–XXI вв. открывает более тонкие, более «субтильные» механизмы власти. Это – власть языка: скрытые от профанического взора сети «микрофизики власти», которые насколько невидимы, настолько и всепроникающи. Это – способы классификаций и кодификаций, которые задаются господствующими системами дискурса. Они задают не только стереотипы социальных оценок и действий, но, в конечном счете, и картину реальности: кто контролирует язык, тот контролирует и сознание (мотив антиутопии Оруэлла). По отношению к этой власти абсолютно неэффективны как стратегия борьбы, так и логика диалектического мышления. Любой бунтарь, в конечном счете, ассимилируется системой властных отношений: он для нее – «свое иное». Равным образом бессильна диалектическая логика против стереотипов сознания, заданных «микрофизикой власти» языка. С «микрофизикой власти» невозможно бороться. Можно лишь пытаться «перехитрить» ее при помощи разнообразных *косвенных стратегий*. Поэтому на смену стратегиям «лобового» противоборства властной системе сегодня, как в философии, так и в социальной практике, приходят разнообразные *косвенные стратегии ускользания из-под власти*. На смену диалектике, работавшей со структурами «чистого разума», в постструктурализме приходят стратегии деконструкции, работающие с языковыми формами. Деконструкция являет своеобразную стратегию ускользания из-под власти языка за счет косвенных стратегий прочтения текстов: игры на маргиналиях и всевозможных деривациях и девиациях словоупотребления. На пути косвенных стратегий делается попытка ускользания от тех стереотипов мышления, которые задаются языковыми структурами и против которых бессильна стратегия диалектики с ее «лобовым» сталкиванием противоположностей.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Время и бытие / Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 391–406.
2. Гадамер Х. Г. Мыслитель М. Хайдеггер / Гадамер Х. Г. Пути Хайдеггера : исследование позднего творчества. М., 2005. С. 73–80.
3. Хайдеггер М. Тезис Канта о бытии / Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 361–381.
4. Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998. 384 с.
5. Делез Ж. Одним манифестом меньше // Метафизические исследования. Статус Иного. Вып. 14. СПб., 2000. С. 252–278.
6. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное и множественное. М., 2004. 272 с.
7. Дуплинская Ю. М. Мышление и язык : «переоценка ценностей» // Вестн. Челяб. гос ун-та. Сер. Философия. Социология. Культурология. 2012. Вып. 25, № 18 (272). С. 38–43.
8. Гадамер Х. Г. Мартину Хайдеггеру 75 лет / Гадамер Х. Г. Пути Хайдеггера : исследование позднего творчества. М., 2005. С. 25–37.

Criticism of «Dialectic Reason» from Positions of Philosophy XX–XXI c.

Yu. M. Duplinskaya

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov
77, Politekhnicheskaya str., Saratov, 410054, Russia
E-mail: duplinskay@mail.ru

In article it is proved that philosophy of XX–XXI makes overcoming of dialectics, and not in the spirit of dialectic «removal» at all. Dialectic opposites are replaced with the «swarming» distinctions between which the unity is impossible for the reason that between them there is no mutual exclusion. Both in epistemology, and in social sphere, dialectic «conflict of opposites» strategy is replaced by indirect slip away strategies, deconstruction for example. Dialectic «the unity of opposites» is replaced by communication strategy. Overcoming of dialectics is analyzed in the context of two fundamental «turns» defining a face of philosophy of the XX–XXI centuries. It: turn to consciousness (the phenomenological direction) and turn to language (a hermeneutics, structuralism and post-structuralism).

Key words: dialectics, opposites, unity of opposites, representative and subrepresentative, indirect strategy.

References

1. Heidegger M. Zeit und Sein. *Zur Sache des Denkens*. Tübingen, 1969. S. 1–25 (Russ. ed.: *Heidegger M. Vremya i bytie*. Heidegger M. *Vremya i bytie*. Moscow, 1993, pp. 391–406).
2. Gadamer H.G. The thinker M. Heidegger. *Heidegger's Ways*. New York, 1993, pp. 68–75 (Russ. ed.: *Gadamer H. G. Myslitel M. Heidegger. Puti Heideggera: issledovanie pozdnego tvorchestva*. Moscow, 2005, pp. 73–80).
3. Heidegger M. *Tesiss der Kante über das Sein. Existenz und Ordnung*. Frankfurt/M., 1962. S. 217–245 (Russ. ed.: *Heidegger M. Thesis Kanta o bytie. Vremya i bytie*. Moscow, 1993, pp. 361–381).
4. Deleuze G. *Différence et répétition*. Paris, 1968. 409 p. (Russ. ed.: *Delez Zh. Razlichye i povtorenie*. St.-Petersburg, 1998. 384 p.).
5. Deleuze G. Un manifesto di meno. *Sovrapposizioni*. Milano, 1978, pp. 67–92 (Russ. ed.: *Delez Zh. Odnim manifestom menshe. Metaphizicheskie issledovaniya. Status Inogo*. Iss. 14. St.-Petersburg, 2000, pp. 252–278).
6. Nancy J.-L. *Être singulier pluriel*. Paris, 1996. 224 p. (Russ. ed.: *Nancy Zh.-L. Bytie yedinstvennoye i mnozhestvennoe*. Moscow, 2004. 272 p.).
7. Duplinsky Yu. M. Thinking and language: «reevaluation of values». *Vestn. Chelyabinsk gos. un-ta. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Kulturologiya* (Bulletin of Chelyabinsk State University. Ser. Philosophy. Sociology. Culturology), 2012, iss. 25, no. 18 (272), pp. 38–43.
8. Gadamer H. G. *Martin Heidegger is 75 years old. Heidegger's Ways*. New York, 1993, pp. 20–32 (Russ. ed.: H. G. Gadamer. *Martiny Heideggeru 75 let. Puti Heideggera: issledovanie pozdnego tvorchestva*. Moscow, 2005, pp. 25–37).